

На земле, где царит невероятное богатство и роскошь, с наступлением вечера зажигаются тысячи огней. Дворец Бессмертного Долголетия, чьи террасы и перила в основном построены из белого мрамора, освещается так ярко, что Чертог, хранящий аромат, кажется залитым светом. Служанки, зажегши фонари, склонились в поклоне, а женщина лет сорока, наблюдая за небом, увидела, как ещё ряд служанок с поклонами поднесли коробки с подарками и сказали:

— Госпожа летописец Цзи. Его Величество прибыл и принёс множество даров, которые нужно внести в опись и поместить в хранилище.

Наложница Жун — единственная оставшаяся в живых императорская дочь династии Чжоу. Фамилия императора Чжоу была Юй, а её детское имя — Жоуцзы, титулованная как Вечная Императрица Юньи. Ходили слухи, что императрица Чжоу во сне встретила богиню, которая показала ей цветение и увядание цветка удонбара дважды, после чего она забеременела Наложницей Жун и её сестрой-близнецом, Императрицей Дэхуэй Юй Чжэньчжи. Династия Чжоу считала цветок удонбара благоприятным знаком, но в последние годы правления народ страдал от бедствий, а император Чжоу продолжал собирать цветы удонбара по всей стране, что в итоге вызвало восстание. Бунтовщики ворвались в императорский дворец, и за одну ночь кровь династии Чжоу была почти полностью истреблена. Это событие вошло в историю как «Смута Удонбара». Когда мятежники, ворвавшиеся во дворец, увидели её, они, несмотря на её измождённый вид, были поражены её красотой, которая сияла, как луна в небе, и все они отступили, не осмелившись поднять на неё руку.

Её красота, как цветок удонбара, достигла такого уровня, что её внешность уже нельзя было оценивать обычными мерками. Она обладала уникальной грацией и изысканной аурой, её одежда была подобна лёгкому дыму, покрытому цветами, словно снег. Император Чу, которому уже за пятьдесят, с седыми висками, бережно взял её руку, согревая кончики пальцев своей возлюбленной, и сказал:

— Уже давно наступила весна, а руки у тебя всё ещё такие холодные. Что случилось в этом году?

Наложница Жун смиренно ответила:

— У меня всегда так. Недостаток крови — это давняя проблема. К тому же, в последнее время я беспокоюсь о делах Ли.

Император Чу с досадой сказал:

— Наш сын под защитой небес, кто посмеет причинить ему хоть малейший вред?

Вспомнив о покойных наследнике престола и князе Цзинчэне, убитых заговорщиками, он похлопал её по руке и добавил:

— Не беспокойся, я ни за что не позволю, чтобы с Ли случилось что-то плохое.

В этот момент евнух объявил, что князь Цзинчэн ожидает приёма у ворот дворца. Император Чу раздражённо сказал:

— Что он там ждёт? Пусть войдёт!

Придворные дрожали от страха, колени их подкашивались. Как раз в этот момент прибыла госпожа летописец Цзи и, увидев это, пошла пригласить князя Цзинчэна.

Князь Цзинчэн вошёл и собирался поклониться, но евнух, уже получивший выговор, поспешил поддержать его. Прежде чем он успел опуститься на колени, император Чу произнёс:

— Не надо. Подойди, пусть твоя мать посмотрит на тебя.

Сяо Шанли остановился, не завершив поклон, и подошёл к Наложнице Жун. Их лица были настолько похожи, что они казались братом и сестрой. Она бережно взяла лицо младшего сына в свои руки, внимательно всматриваясь в него, и через некоторое время тихо сказала:

— В следующий раз не нарушай этикет.

Сяо Шанли, стоя на коленях у её ног, смиренно ответил:

— Хорошо.

Затем он поднял взгляд на императора Чу и сказал:

— У меня есть просьба.

Наложница Жун тоже взглянула на императора и вздохнула:

— Не злоупотребляй любовью отца, выдвигая множество требований.

Император Чу с радостью рассмеялся:

— Сын, просящий милости у отца, — это совершенно естественно! Говори, что хочет наш князь Цзинчэн?

Сяо Шанли опустил голову и сказал:

— Я хочу найти учителя.

Наложница Жун нахмурилась:

— Ли, у тебя уже есть свой наставник.

Сяо Шанли ответил:

— Наставник князя Цзинчэна управляет моими владениями и уже давно не в столице. Я чувствую, что мне не хватает знаний и мудрости в делах, и хотел бы найти учителя, к которому могу обращаться в любое время.

Наложница Жун всё ещё не соглашалась:

— Не у всех принцев есть наставники, а у тебя уже есть наставник князя Цзинчэна, что является исключительной милостью отца. Теперь ты хочешь, чтобы Его Величество назначил тебе ещё одного наставника?

Сяо Шанли сказал:

— Я не осмеливаюсь.

Его чёрные глаза на мгновение наполнились обидой, но он быстро справился с собой и спокойно произнёс:

— Я хочу стать учеником одного человека. Он живёт в горах и не стремится к государственной службе, ему не нужен титул наставника. Однако я считаю, что прежде чем стать чьим-то учеником, я должен получить разрешение отца и матери.

— Я думал, это кто-то из наших, даже если бы это был мой канцлер, я бы сразу издал указ. Но оказывается, это человек из глуши! — рассмеялся император Чу. — Так называемые знаменитости из глуши — это чаще всего те, кто ищет славы. Ладно! Если Ли нравится, то пусть выбирает, кого хочет, в учителя!

Сяо Шанли поклонился и сказал:

— Благодарю, отец.

В душе он был рад: «Я — любимый сын императора, если я буду относиться к кому-то с уважением и почтением, как к учителю, даже владыка острова Пэнлай не сможет отказать».

За пределами ярко освещённого дворца, в красных галереях, молодой человек в одежде принца ожидал призыва. Высокий и статный, с изысканной внешностью, его сопровождали два евнуха. Это был князь Шоушань Сяо Шанчунь, шестой по старшинству, на три года старше князя Цзинчэна, уже достигший совершеннолетия и заслуживший репутацию мудрого правителя.

Сяо Шанли, которого вели евнухи, шёл легко и быстро, но, увидев князя Шоушаня, остановился. Они были сводными братьями, князь Шоушань был сыном наложницы Хэ, которая скончалась восемь лет назад. Наложница Хэ долгое время не пользовалась благосклонностью императора и умерла в печали, из-за чего князь Шоушань питал глубокую обиду на Наложницу Жун, которая на протяжении тридцати лет пользовалась неизменной любовью императора. Хотя он не проявлял этого открыто, Сяо Шанли чувствовал это и потому не был близок с этим старшим братом. Теперь, встретившись лицом к лицу, он не мог избежать приветствия и сказал:

— Почему шестой брат не войдёт внутрь?

Князь Шоушань ответил:

— Я не такой, как девятый брат, мне приходится ждать здесь объявления. Девятый брат и мама в зале с отцом, наслаждаются семейным ужином, и даже главный евнух не осмеливается прервать их.

Сяо Шанли сказал:

— Шестой брат, зачем так говорить.

В его словах чувствовалось неодобрение. Князь Шоушань, ощутив лёгкое раздражение, но понимая, что Наложница Жун и её сын пользуются благосклонностью, быстро сменил тон и сказал:

— Я просто шучу, почему отец и мама не оставили тебя ужинать?

— Не стоит... — сказал Сяо Шанли. — У меня ещё есть дела.

Он только что получил разрешение родителей и не мог усидеть на месте, за что получил лёгкий выговор от Наложницы Жун.

Князь Шоушань сказал:

— О?

И бросил на него взгляд, думая про себя: «Он, вероятно, тоже узнал о том, что Южная Чу и

Восточное У собираются заключить союз для нападения на Юэ. Этот девятый брат притворяется, что не интересуется делами государства и не стремится к власти, но теперь, когда наследник престола, князь Инчуань и князь Цыян ушли, он тоже начинает высовываться».

Князь Шоушань усмехнулся и сказал:

— Тогда, девятый брат, иди с миром. Пусть слуги освещают путь, будь осторожен.

В этот день князь Шоушань Сяо Шанчунь прибыл во дворец именно для обсуждения союза с Восточным У. Как только наступила ночь, он вернулся в свою резиденцию и сразу же приказал вызвать своего наставника Лу Синчжи.

Лу Синчжи, услышав тревожные голоса слуг князя Шоушаня, собрался с духом и вошёл в кабинет. Там он увидел разбросанные повсюду предметы, на столе были опрокинуты курильница, пресс для бумаги, кисти и бумага. Князь Шоушань, смеясь от ярости, сказал:

— Сегодня отец заявил, что князь Цзинчэн может выбрать себе ещё одного наставника, даже если это будет канцлер, он сразу же издаст указ. — Почему бы отцу просто не отдать ему трон! Зачем нам, сыновьям, бороться за него?

Когда князь Шоушань немного успокоился, Лу Синчжи открыл дверь и приказал служанке, стоявшей на коленях снаружи, принести чай. Он сказал:

— Ваше Высочество, зачем так гневаться? Благосклонность Его Величества — это не новость.

Князь Шоушань с горькой усмешкой сказал:

— Когда моя мать тяжело болела, отец находился во Дворце Бессмертного Долголетия, потому что Сяо Шанли, этот мальчишка, испугался ночью. Он провёл там полмесяца, каждый день посещая дворец. За закрытыми дверями они были счастливой семьёй из трёх человек.

Он скрежетал зубами:

— С тех пор я хотел узнать, почему, будучи сыновьями одного отца, он был любящим отцом для князя Цзинчэна, а для меня и моей матери был так холоден.

Лу Синчжи хотел сказать, что сейчас главное — это установить связь с Восточным У, а не жаловаться на судьбу. Князь Шоушань поднял руку, чтобы остановить его, и продолжил:

— На этом всё, наставник, успокойся, отныне не будет больше ни слова об этом. Я не могу позволить себе обвинения в недовольстве. Но клянусь небом, если однажды я взойду на трон, я

обязательно убью эту проклятую женщину и её отродье.

На следующее утро в Зале Зелёного Бамбука, как всегда, было мало посетителей. Солнечный свет проникал через двери и окна, Инь Усяо сидел на циновке у стола, углубившись в чтение медицинской книги, время от времени открывая крышку чайника, из которого поднимался пар, и бросая туда несколько мер лекарственных трав. Так продолжалось несколько раз.

К полудню Лэ Юй наконец поднялся с бамбуковой кровати, поправил одежду и, словно зомби, медленно подошёл к Инь Усяо и сел напротив. Инь Усяо протянул ему чашу с лекарством и сказал:

— Голова болит? Я же говорил, не трогай моё лекарственное вино, оно тебе не поможет. Ты, возомнив себя мастером выпивки, пока я спал, выпил всё моё лекарственное вино. Сам виноват, что теперь страдаешь.

Лэ Юй взял чашу, выпил содержимое залпом, и Инь Усяо воскликнул:

— Осторожно, оно горячее!

Лэ Юй отбросил чашу и сказал:

— Ты спрашивал, кому я больше доверяю — Синь Чи или Гу Саню. Я ведь говорил тебе, что Синь Чи — как чай, а Гу Сань — как вино?

<http://bllate.org/book/15272/1348062>